

По дорогам Европы: русские в погоне за Наполеоном

Заграничный поход русской армии 1813-14 гг. длился 14 месяцев. За это время наши войска в погоне за отступавшими солдатами армии Наполеона прошли почти по всей Центральной Европе по польским, немецким и французским землям. Вполне естественно, что за это время русские солдаты не только сражались с неприятелем, но и вступали в отношения с местным населением, порой выходявшими за рамки очерченного в приказах командования и элементарных этических норм. А ведь от поведения солдат русской армии зависело очень многое: не только несколько абстрактное реноме русского воина в Европе, но и вполне конкретная дипломатическая и политическая ситуация, менявшаяся в ту удивительную эпоху с калейдоскопической скоростью...

Во все времена война была настоящим бедствием не столько для солдат, сколько для жителей тех областей, в которых она шла: разрушения, грабёж и бесчинство войск обеих сторон неизменно шли рука об руку с блистательными военными победами и взятиями городов. В эпоху наполеоновских войн, когда французская армия победным маршем ходила из одного конца Европы в другой, жителям европейских стран, через которые шли солдаты императора Франции, приходилось очень несладко. Война должна кормить сама себя, повторял за своим старшим товарищем Лазарем Карно Наполеон. Это было принципиальной позицией французского императора, стремившегося максимально полно использовать ресурсы покорённых территорий и тех земель, через которые шли его армии. Зачастую это приводило к банальному грабежу местного населения, отвечавшего французским войскам сильнейшей ненавистью, а кое-где (в Испании, России) поднимавшегося на партизанскую войну. Когда в декабре 1812 г. стало ясно, что война для измотанной русской армии продолжится и за пределами России, одной из важнейших забот командования стало соблюдение дисциплины в Европе. Первым же серьёзным испытанием грозил обернуться марш по герцогству Варшавскому.

Взаимная многовековая неприязнь русских и поляков, подогретая участием (и весьма активным) польских солдат в походе на Москву, могла стать отличным катализатором для грабежей и насилия со стороны измотанных и голодных русских солдат. Это отлично понимали и главнокомандующий армией М.И. Кутузов, и сам император Александр I. Им удалось, в целом, удержать своих солдат от грабежа и насилия, что стало известным сюрпризом для поляков, готовившихся к самому страшному. Как вспоминал один из очевидцев, «знатные и богатые помещики выехали из Варшавы в Краков... Жители варшавские большею частью желают приходу русских, а помещики боятся». Однако всё обошлось, хотя «ложка дёгтя» нашлась: мирную, в целом картину прохода русской армии по польской земле подпортили казаки, не стеснявшиеся в обращении с местными жителями, в результате чего «сделались продавцами золота целой Европы». Вступив на «вражескую» землю и увидав вокруг множество наживы, казачьи части начали стремительно терять своё главное преимущество – подвижность: «Но сей казак (М.И. Платов – Н.М.) вздумал остаться две недели в Ковне, для разделения сокровищ, частью от неприятеля, а большей частью от обывателей заграбленных». Пришедшая затем на смену военным гражданская администрация делала всё, чтобы поляки не воспринимали русских как исполненных жаждой мести врагов – ведь в скором времени Варшавскому герцогству предстояло стать частью Российской империи под именем Царства Польского...

Весной 1813 года война переместилась на запад, в немецкие земли: на территорию Силезии и Саксонии. Здесь уже не шла речь о «кровавой вендетте», но вставала другая проблема, международно-политического характера: Пруссия была очень важным союзником для Александра I. Русский император потратил немало времени на уговоры и посулы нерешительному прусскому королю Фридриху-Вильгельму III. В конце концов, король согласился отказаться от союза с Наполеоном и повернуть оружие против него. Этот важнейший успех русской дипломатии следовало закрепить гуманным обращением с прусским населением, дабы

то почувствовало разницу между «захватчиками-французами» и «русскими освободителями». Остановившись на границе Пруссии, Кутузов опубликовал воззвание к народу Пруссии, в котором в частности заявлял: «Император повелел мне не поступать неприязненно с прусскими областями и, сколько военные обстоятельства допускают, облегчать участь пруссаков». Отрицая таким образом тезис Наполеона о войне, кормящей «саму себя», русский главнокомандующий делал всё, от него зависящее, чтобы сформировать образ «солдата-освободителя», корректно и гуманно относящегося к местному населению. И такая политика принесла свои плоды: русских действительно встречали как освободителей. «Вообразить нельзя, как мы приняты в Пруссии. Никогда ни прусского короля, ни его войска так не принимали», – писал Кутузов сестре. По мере продвижения русских солдат восторги пруссаков не только не убавлялись, а наоборот, усиливались. Подлинным триумфом стало вступление российской армии в Берлин. Известный писатель и мемуарист Ф.Н. Глинка описал в своём дневнике восторженный приём, устроенный русским солдатам, шедшим по берлинским улицам под крики из толпы: «С русскими готовы делиться последним: вы наши защитники!».

Идиллическая картина, складывающаяся из этих свидетельств, не должна вводить в заблуждение. Русское командование в полной мере осознавали всю сложность задачи по сдерживанию собственных солдат от вполне естественного желания поживиться за счёт мирного населения. И отдавало строгие приказы о соблюдении дисциплины, не гнушаясь никакими средствами для её поддержания. Так, например, было отдано распоряжение, по которому прусские жандармы имели право брать под стражу «нижних чинов, к российской армии принадлежащих, кои будут чинить обиды и беспорядки, и препровождать [их] в ближайшие команды»; требовать фураж и еду можно было лишь через квартирмейстеров, без «малейшего насилия, но с сохранением по всей возможности порядка»; преследование отступавших французов требовало от потрёпанной и не вполне пришедшей в себя после марша от Москвы русской армии мобильности и

энергичности, и отрядам, идущим на соединение с главными войсками, предписывалось ходить только по «большой военной дороге», так как там уже заготовлены продовольствие и фураж. А отряды, сворачивавшие с неё, «причиняют жителям обиды».

После двух сражений в мае 1813 г. – при Люцене и Бауцене – было заключено долгожданное перемирие, в котором остро нуждались обе стороны. По его условиям, войска противоборствующих сторон должны были оставаться там, где их застало перемирие. Русские войска были застигнуты этой вестью в Богемии, на территории постепенно склонявшейся к союзу с Россией и Пруссией Австрии. Однако потенциальные союзники были совершенно не рады пребыванию в своих землях чужой армии. И постарались максимально осложнить пребывание русских солдат в Богемии. «Мы часто нуждались в квартирах и пище по недружественным распоряжениям австрийцев; когда нужда заставляла посылать нас на фуражировку, то по людям нашим стреляли, а после нас же наказывали», – вспоминал позже Н.Н. Муравьёв (будущий Муравьёв-Карский). Мало того, что заготовка фуража и продовольствия шла медленно, так ещё и цены на продукты и жильё были задраны до предела – это почувствовали на себе как рядовые участники Заграничного похода, так и генералы. «Неприветливость» богемских жителей, дополнявшаяся неприязнью со стороны австрийских солдат, осложняла жизнь российской армии. Но приходилось переносить эти трудности во имя высших политических целей. А австрийцы, чувствуя свою важность и необходимость для коалиции, уже задним числом переслали статс-секретарю К.В. Нессельроде жалобы губернатора Богемии на «тяжесть постоя русских войск». Российский МИД терпеливо снёс и этот жест союзников, пообещав компенсировать все затраты богемских властей.

После возобновления военных действий, в августе 1813 г., союзные войска совершали замысловатые манёвры по территории Центральной Германии, пока наконец не оказались в Саксонии, вблизи Лейпцига. Там и произошла знаменитая «Битва народов», в которой французские войска потерпели поражение и были вынуждены очистить немецкие земли. Войска антинаполеоновской коалиции медленно

подтягивались к Рейну, готовясь продолжить поход по французской земле. Перед русским командованием встала серьезнейшая задача – не допустить никаких грабежей и насилий во Франции. На этом настаивал лично император, имевший далеко идущие политические соображения. Александр I подчеркнул свою мысль в декабрьском приказе по войскам: «Я несомненно уверен, что вы кротким поведением своим в земле неприятельской столько же победите её великодушием своим, сколько оружием». Императором двигала двоякая цель: забота об образе союзных солдат (и о своём собственном) – необходимо было убедить население, что к нему идут не завоеватели, а освободители от гнёта Наполеона, и воевать союзники намерены только с Бонапартом, а не с французами в целом. Кроме того, союзных государей крайне пугала мысль о начале народной войны на территории Франции, о повторении кошмарного для них опыта войны с революционной Францией в 1791-93 годах. Опасения были не беспочвенными: Наполеон неоднократно призывал французов взяться за оружие и истреблять «всех до последнего солдат армии коалиции».

Чтобы исключить малейшую возможность партизанской войны, нужно было на корню пресечь мародёрство и насилия над населением. А делать это становилось всё сложнее. «До сведения моего доходит, что в тылу армии происходят большие шалости и беспорядки от отсталых и мародёров», – выговаривал военному генерал-полицеймейстеру Ф.Ф. Эртелю М.Б. Барклай де Толли. Нечто подобное он писал и атаману Платову: «Доходят до меня жалобы на шалости, делаемые Казаками войска Донского (...) а потому Вашему сиятельству ... отношусь с покорнейшей просьбой моей о принятии строжайших мер к прекращению всех таковых беспорядков и насилий». Всплеск количества случаев мародёрства и насилий по мере продвижения наших солдат к границе с Францией объясним: театр военных действий перемещался в края, население которых не было столь радушно настроено по отношению к союзникам. Западногерманские земли до последнего оставались верными Бонапарту и перешли к союзникам лишь под давлением обстоятельств. А потому их жители добровольно

предоставлять фураж и продовольствие русским войскам готовы не были. Да и наши солдаты понимали, что с этими немцами можно не так церемониться, как с пруссаками или даже австрийцами, – начальство будет смотреть на «шалости» сквозь пальцы. Справедливости ради стоит сказать, что «усердствовали» в западнонемецких краях не только и не столько русские: австрийские мародёры «шатались по деревням», причём австрийское начальство с ними справиться не могло, и Шварценберг просил русских казаков (!) «собирать шатающихся солдат, и по собрании некоторой команды, препроводить её ... в главное дежурство князя Шварценберга».

Не допустить всего этого на территории Франции могла лишь до мелочей продуманная система снабжения войск необходимым фуражом и продовольствием, а также строгость и дисциплина. «Я уверен также, что начальствующие над вами не оставят взять нужных для сего и строгих мер, дабы несогласные с сим поступки некоторых из вас, не помрачили бы к общему вашему прискорбию того доброго имени, которым вы доселе по справедливости славитесь», – говорилось в цитированном выше приказе Александра I по войскам. О строжайшей дисциплине и недопустимости насилия над гражданским населением говорилось и в приказе главнокомандующего союзными войсками Шварценберга от 8 января 1814 г. И, хотя идеальной дисциплины добиться не удалось («несмотря на все предписания, каким образом они должны вести себя», с грустью отмечал Барклай де Толли, наши войска «причиняют обиды жителям, от которых входят жалобы»), эти меры дали желаемый эффект: партизанской войны, по крайней мере широкомасштабной, удалось избежать. И тому было объяснение...

Кампания 1814 года была для Франции очередной в длительной череде войн наполеоновской эпохи. Однако обладала существенным отличием: впервые боевые действия велись не в далёких — испанских, немецких или русских — землях, а на территории самой Франции. На правом берегу стояла 500-тысячная армия VI антинаполеоновской коалиции,

вскоре начавшая движение в глубь страны. В последний раз столь грозная неприятельская сила собиралась у французских границ в 1793 году, в начале революционных войн. Тогда лишь невиданный патриотический подъём населения, ошеломивший неприятеля своей отвагой и яростью, уберёт республику от интервенции. Не последнюю роль в этом успехе сыграла чрезвычайно эффективная пропагандистская кампания, развёрнутая якобинским правительством. На начало 1814 года, казалось бы, ситуация повторялась: враг стоял у ворот империи, Наполеон, ограниченный во времени и средствах, был вынужден обратиться к опыту Революции, чтобы попытаться разжечь пламя партизанской войны. Тяжёлая экономическая ситуация, в которой оказалась Франция после почти непрерывных двадцатилетних войн, усталость населения от постоянных наборов в армию и военных ревизий – всё это ставило под вопрос саму возможность партизанской войны против солдат антинаполеоновской коалиции.

У Наполеона оставалось лишь одно безотказное средство для возбуждения народной войны: давление на национальное чувство гордости французов, привыкших к звону литавр и победному грохоту барабанов. Сперва Бонапарт решил прибегнуть к устрашающей риторике: «Польша, Польша, униженная, разделённая, уничтоженная, угнетённая, есть урок ужасающий и живой для Франции, которой угрожают те же державы...», – страшал слушателей Наполеон в декабрьской речи 1813 г. в Законодательном собрании. Наполеон не уставал напоминать французам о том, что «год назад вся Европа была за нас, сегодня вся Европа против нас». И единственное спасение в том, чтобы «вооружиться в случае вторжения, – тогда неприятель либо бежит из страны, либо подпишет выгодный для Франции мир». В предпоследний день 1813 года, 30 декабря, Наполеон произнёс в Сенате речь, в которой подчеркнул, что готов принять предложенные союзниками «позорные» условия мира, однако тогда Франция лишится Беарна, Эльзаса, Франш-Комте и

Брабанта*, и призвал «французов помочь французам». Император ожидал, что соотечественники, возмущённые такими потенциальными территориальными потерями, потребуют от него не принимать унижительных мирных условий союзников и вести войну до победного конца. Расчёт, впрочем, не оправдался: большинством голосов (223 голоса «за», 31 «против») Сенат рекомендовал Наполеону принять предложения союзников. Ответ императора был красноречив: 31 декабря Законодательный корпус Франции был распущен.

После того как стало ясно, что сыграть на национальной гордости невозможно, Наполеон решил возжечь пламя партизанской войны военно-административными методами, по-военному чётко: к штабу каждой французской армии был прикомандирован генерал, отвечавший за вооружённое восстание на определённой территории. Помимо этого, во все департаменты были разосланы чрезвычайные комиссары, чтобы «руководить сбором ополчения и мерами по защите страны», причём их полномочия и круг обязанностей были чрезвычайно широкими: комиссары должны были набирать конскриптов**, собирать для армии обмундирование, оружие, продовольствие, доставлять в армию реквизируемых лошадей, организовывать отряды Национальной гвардии. В середине января 1814 года был издан секретный приказ жителям оккупированных областей: «Истребляйте всех до последнего солдат армии коалиции, и я обещаю вам счастливое правление», а также строжайше запрещал снабжать противника продовольствием и подчиняться его приказам и предписывал всем гражданам от 16 до 60 лет быть готовыми к 1 марта вступить в армию. За отказ повиноваться ослушникам грозил немедленный расстрел. В дополнение к призывам в уже занятые к тому моменту врагом западные области Франции посылались специальные уполномоченные, которым вменялось в обязанность налаживать партизанскую

* Беарн – южная пограничная область Франции; Франш-Конте – историческая область на востоке Франции; Брабант – центральная область голландско-бельгийской низменности

** Конскрипт – новобранец, поступивший в военную службу по набору

войну против неприятеля. Но, несмотря на пылкие призывы Наполеона и действия комиссаров, «обессиленная Франция сначала встретила нашествие без возмущения». И виновата тут была сама имперская администрация Бонапарта, поскольку «занятые союзниками провинции были буквально разорены реквизициями».

Ситуацию неожиданно осложнили сами солдаты антифранцузской коалиции, вступившие к тому моменту на французскую землю. Русские генералы с беспокойством доносили Барклаю, что австрийские мародёры «шатаются по деревням», а их начальство не может с ними справиться. Австрийцы, ещё с осенней кампании 1813 г. зарекомендовавшие себя страшными мародёрами, не могли тягаться в этом «искусстве» с пруссаками. Те себе не отказывали ни в чём: грабили, ломали, жгли всё, что попадалось под горячую руку (рассказывают, что удручённый подобным зрелищем прусский генерал И. Йорк горько заметил: «Я думал, что имею честь командовать отрядом прусской армии; теперь я вижу, что командую только шайкой разбойников»). Не отставали от них и русские казаки, добавляя головной боли Барклаю де Толли. Совершенно естественно, что кое-где (в Лотарингии, Франш-Конте, Бургундии, Шампани, Пикардии) «крестьяне вооружались вилами и старыми охотничьими ружьями ... и нападали на небольшие или только что потерпевшие поражение неприятельские отряды».

Наполеон, поверив было, что партизанская война уже не за горами, попробовал подлить масла в огонь, издав 5 марта 1814 года знаменитый фимский декрет, в начале которого констатировал, что «население городов и деревень, возмущённое притеснениями, которое оно претерпевает от врагов, в особенности от русских и казаков, берётся за оружие исключительно из чувства национальной гордости», чтобы нанести максимальный урон врагу, и приказывал считать предателем всякого, кто мешает народной борьбе с захватчиком. Народное восстание, готовое вспыхнуть из-за чрезмерного увлечения пруссаками, казаками и баварцами содержимым сундуков и лавок мирных жителей, казалось возможным не только Наполеону, но и его врагам. Знаменитый русский партизан А.Н. Сеславин, в ту пору командовавший «летучим

отрядом», с большим беспокойством делился своими соображениями с начальством: «Мир или решительные действия, иначе народная война во Франции, которой начало я уже почувствовал. Ретирада наша будет для нас гибельна; с отступлением нашим Наполеон повлечёт за собою сотни тысяч». Впрочем, энтузиазм Бонапарта и нервозность его противников были скоротечны по причине очень быстрых изменений на театре боевых действий и эффективной контрпропаганды членов антифранцузской коалиции, внушавших населению Франции, что союзные монархи воюют не с Францией, поскольку желают видеть её сильной и процветающей, а противоборствуют желанию Наполеона господствовать в Европе. Подобная риторика оказалась действенной, но ещё бóльшую роль в том, что война против французской армии не превратилась в войну против французского народа, сыграла стремительность, с которой союзники заняли Париж.

31 марта 1814 года союзники вступили во французскую столицу, население которой приветствовало их как освободителей. Огромная заслуга в конечном успехе союзников принадлежит русским войскам, без устали сражавшимся с Наполеоном с июня 1812 года. Своим поведением в Европе, далеко не всегда идеальным, но, тем не менее, отличавшим их от войск Бонапарта, они сумели убедить поляков, пруссаков, австрийцев и даже французов, что перед ними не шайки мародёров, а солдаты, подчинённые жёсткой дисциплине. Первый и последний на сегодняшний день марш-бросок русской армии через всю Европу был вписан золотыми буквами в книгу подвигов наших солдат...